

Лекарство

Перевод с китайского Н. ФЕДОРЕНКО

I

Осень. Далеко за полночь. Луна скрылась, но еще не блеснули первые лучи солнца. Остался лишь покров темносинего неба.

Все погружено в сон, только ночные твари, как всегда, блуждают в темноте.

Хуа Лао-шуань вдруг приподнялся; чиркнув спичкой, зажег оплывший светильник, и обе комнаты чайной тотчас наполнились синеватым светом.

— Отец, ты уже уходишь? — раздался голос старой женщины. Из соседней комнаты послышался удушливый кашель.

— Да, — ответил Хуа Лао-шуань. Застегнувшись, он протянул руку и сказал, подойдя к жене:

— Давай! — Хуа Да-ма долго шарил под подушкой, нашла сверток с серебряными долларами и вручила его Шуаню.

Дрожащими руками он положил деньги в карман, а потом дважды ощупал их снаружи. Затем зажег фонарь, потушил светильник и направился в соседнюю комнату. Оттуда послышалось громкое хрипение, а затем снова мучительный кашель. Как только приступ кашля кончился, старый Шуань тихо проговорил:

— Сынок, ты не вставай!.. Что? Чайная ничего, твоя мать сама справится.

Ответа не последовало; отец решил, что сын спокойно заснул, и вышел на улицу.

На темной, пустынной улице не было ни души. Во мраке выделялась лишь пепельно-серая полоска дороги.

Свет его фонаря падал на ноги старого Шуаня. Порой встречались собаки, но ни одна из них не залаяла. На улице было много холоднее, чем в комнате. Старый Шуань, однако, чувствовал себя очень бодро, как будто он в это утро превратился в юношу и обрел какую-то тайну, дающую людям

жизнь. Он шел крупными шагами, погруженный в свои мысли. Небо становилось светлее, а дорога вырисовывалась все резче.

Впереди отчетливо виднелся перекресток. Старый Шуань вдруг чего-то испугался; он, прихрамывая, зашел под выступ крыши закрытой лавки. Он почувствовал, как по его телу пробежал мороз.

— Ишь, старик!

— Однако, шустрый!

Старый Шуань вздрогнул. Мимо него прошло несколько человек. Один из них даже обернулся и посмотрел на него.

Шуань взглянул на свой фонарь, но он уже погас. Ощупал рукою карман — деньги были целы. Он приподнял голову, посмотрел по сторонам и увидел множество людей, по-двое, по-трое, сновавших подобно бесплотным духам.

Вскоре он заметил несколько расхаживающих солдат. Белые большие круги отчетливо выделялись на их одежде.

У тех, что подходили поближе, можно было разглядеть темнокрасные канты.

Но вот послышались тяжелые шаги, и в мгновение ока собралась толпа. Все те, что расхаживали небольшими группами, тоже подошли. Перед самым перекрестком они остановились и стали полукругом.

Старый Шуань обернулся в их сторону, но увидел только одни спины.

Люди так сильно вытягивали шею, словно чья-то незримая рука дергала их кверху.

Толпа на минуту затихла, но вот раздался страшный звук, и она снова зашумела, задвигалась...

Снова тот же звук, и все отступили назад. Разбегаясь, они ринулись прямо к месту, где стоял Шуань, и чуть не сбили его с ног.

— Эй! Один дает деньги, другой дает товар.

Перед старым Шуанем стоял чело-

век в черном, глаза его сверкали, как два ножа.

Под его взглядом Шуань весь съежился.

А тот громадной рукой раскладывал перед Шуанем свой товар; он протянул старику красный круглый хлебец, с которого стекали красные капли.

Старый Шуань с тревогой нащупал деньги и, трясясь, хотел передать их палачу, но не решился принять его товар.

Тот, видя его нерешительность, вспыл и крикнул: — Чего испугался? Почему не берешь?

Шуань все еще продолжал переминаясь с ноги на ногу. Тогда человек в черном отнял у него фонарь, сорвал бумажный абажур, завернул в него круглые хлебцы и отдал сверток Шуаню.

Схватив деньги, он пощупал их пальцами, повернулся и, уходя, хрипло добавил:

— Вот старый дьявол...

— Для кого берешь? — Старый Шуань, видимо, услышал вопрос, но вовсе не собирался отвечать на него.

Все его внимание теперь было приковано к свертку, будто в нем была жизнь его единственного сына. Ничто иное его не интересовало. Теперь он, держа эту новую жизнь, возвратится прямо к себе домой и обретет большое счастье.

Солнце уже взошло и осветило перед ним ленту большой дороги, ведущую прямо к его дому.

Позади него, на облупленной вывеске, висевшей на перекрестке, засияли четыре иероглифа с потемневшей позолотой:

«Вход в павильон предков».

II

Шуань пришел домой. В чайной уже давно было чисто прибрано. Расставленные в порядке столы блестели. Однако посетителей еще не было; один только молодой Шуань сидел за столом и ел. С его лба скатывались крупные капли пота. Теплый халат прилип к спине. На худой спине резко обозначились лопатки.

Старый Шуань, увидев своего сына, невольно потупил взгляд. Из кухни поспешно вышла жена. Ее глаза были широко раскрыты, а губы дрожали.

— Достал?

— Достал.

Они вместе вошли в кухню. Поговорили немного. Хуа Да-ма вышла. Затем она возвратилась, держа в руках лист старого лотоса, и, расправив, положила его на стол.

Старый Шуань разорвал сверток, вынул красные круглые хлебцы и завернул их в лист лотоса. Когда молодой Шуань закончил завтрак, мать сказала ему, волнуясь:

— Ты посиди там; не ходи сюда.

Прибрав на очаге, старый Шуань взял зеленоватый сверток и сломанный фонарь в красных и белых узорах и поставил все это на очаг. Темнокрасные языки огня коснулись хлебцев, и чайная наполнилась каким-то странным запахом.

— Как вкусно пахнет! Что это вы тут едите?

На пороге чайной стоял Горбун. Он, обычно коротал свои дни в чайной Шуаня; приходил раньше всех, а уходил самым последним.

Он, прихрамывая, подошел к угловому столу и сел. На его вопрос никто не ответил.

— Вы рисовый отвар делаете? — Ответа попрежнему не было.

Старый Шуань торопливо вошел и налил ему чаю.

— Сынок, пойдй сюда! — Хуа Да-ма позвала молодого Шуаня. Посредине маленькой задней комнаты она поставила скамейку. Молодой Шуань сел. Его мать подала ему блюдо с чем-то круглым и черным и тихонько сказала: «Съешь, и все пройдет».

Шуань очень осторожно приподнял почерневший лист лотоса; лицо ему обдало белым паром. Вскоре пар рассеялся, и он увидел два с половиной круглых хлебца, сделанных из белой муки. А через некоторое время они были уже у него в желудке, и он уже забыл их вкус. Перед ним осталось лишь пустое блюдо.

Сердце молодого Шуаня бешено колотилось, из груди вновь вырвался кашель.

— Ты усни, и все пройдет. — Сын послушался, лег на койку, долго кашлял и, наконец, уснул.

Старая Хуа Да-ма, решив, что сын спокойно спит, осторожно накрыла его стеганым одеялом.

III

Теперь в чайной народу было много. Старый Шуань суетился. Он обходил гостей и непрерывно наливал чай из

большого медного чайника. Под глазами у него были черные круги.

— Шуань, у тебя какая-нибудь беда? Ты захворал? — спросил его посетитель по прозвищу Белобородый.

— Нет.

— Нет? Я просто пошутил, ты и не похож на больного, — сказал Белобородый.

— Старый Шуань просто очень занят. Если бы его сын...

Но Горбун не успел договорить: в чайную с шумом ворвался человек с широким и грубым лицом, одетый в черную холщевую рубашку. Рубашка спереди была расстегнута, а широкий черный пояс висел небрежно. Переступив через порог, он сейчас же обратился к старому Шуаню и прокричал:

— Съел? Поправился? Тебе очень повезло, Шуань. Тебе посчастливилось, а вот если бы я не сообщил духам, то...

Старый Шуань, держа чайник в руках и почтительно изгибаясь, с довольной улыбкой слушал его слова. Люди, наполнявшие чайную, тоже одобительно прислушивались к разговору.

Улыбающаяся Хуа Да-ма принесла чашку и положила туда маслину. Шуань быстро налил кипяток.

— Это с гарантией! Это не так, как для всех. Ты позаботься, чтобы хлебцы были горячими, их нужно есть только горячими, — кричал человек с грубым лицом.

— Верно, верно, если бы Кан Да-шу не помог нам, что бы мы делали, — растроганно благодарила его Хуа Да-ма.

— Ручаюсь, ручаюсь! Съесть горячими... Такие хлебцы с человеческой кровью любую чахотку могут вылечить.

Хуа Да-ма, услышав страшное слово «чахотка», мгновенно изменилась в лице и, принужденно улыбнувшись, вышла из комнаты. А Кан Да-шу, не смущаясь, все продолжал кричать... Он кричал так громко, что даже спавший во внутренней комнате молодой Шуань проснулся и сильно раскашлялся.

— Твой сын, Шуань, вообще повстречался со счастливой судьбой. Его болезнь непременно пройдет. Неудивительно, что старый Шуань целый день смеется, — так сказал Белобородый, подходя к Кан Да-шу, и добавил вполголоса:

— Кан Да-шу, говорят, что преступ-

ник, казненный сегодня, из семьи Ся, но чей он сын? В чем там дело?

— Чей сын? Да разве он не сын госпожи Ся четвертой? Этот паршивец... — Кан Да-шу был очень польщен всеобщим вниманием. Его грубое лицо расплылось в улыбке, и он продолжал еще громче:

— Этому гаденышу надоело жить, надоело и только. А я на этот раз не получил никакой выгоды, даже сорванную с него одежду и ту забрал тюремный надсмотрщик, Красноглазый Аи. Нужно сказать, во-первых, что нашему дяде Шуаню повезло с лекарством; во-вторых, господин Ся третий получил за донос двадцать пять серебряных лиянов чистоганом.

Молодой Шуань медленно вышел из маленькой комнаты, держась за грудь и судорожно кашляя. Подойдя к печке, он наполнил чашку холодным рисом, заварил его горячей водой, сел и начал есть.

Хуа Да-ма последовала за ним и тихо спросила:

— Тебе лучше? Есть хочется?

— Ручаюсь, ручаюсь! — И Кан Да-шу, взглянув в сторону молодого Шуаня, опять повернул лицо к собравшимся, а затем продолжал:

— Господин Ся третий действительно плут, если бы он не заявил чиновнику, то вся его семья была бы казнена. А теперь что? Серебро! Этот маленький гаденыш, поистине гаденыш! А когда его посадили, он пытался сгитировать тюремного надзирателя.

— Ну, это уж чорт знает что, — гневно сказал человек лет двадцати, сидевший в дальнем углу.

— Ты знаешь, Красноглазый Аи вошел к нему узнать подробности дела, а он, воспользовавшись случаем, говорит: «Великая империя Циней принадлежит нам всем». Может ли человек так говорить?

— Красноглазый, видите ли, давно уже знал, что у него никого нет, кроме матери, но кто же мог подумать, что он так беден. Из него, как говорят, не только капли масла, но капли воды нельзя было выжать.

— А он еще хотел, что называется, почесать лоб у тигра. Ну, Красноглазый ему и отвесил две оплеухи.

— Да, наш Аи очень искусен в боксе, двух было вполне достаточно, — неожиданно радостным голосом отозвался Горбун.

— Но он, презренные его кости, че-

иобоялся побоев, да еще говорит: жаль мне тебя, жаль!

— Какая может быть жалость с этой сволочью, — заметил Белобородый.

Кан Да-шу презрительно посмотрел на него и сказал:

— Ты меня не понял, он сказал, что ему жаль Аи.

Лица слушателей вдруг застыли, речь оборвалась. Молодой Шуань коачил есть. Он весь вспотел.

— Как это, ему жалко Аи? Да он с ума сошел, — сказал Белобородый, словно его осенило.

— Сумасшедший, — сказал из угла молодой человек, как будто он тоже вдруг понял в чем дело.

Гости в чайной опять оживились: заговорили, засмеялись. Посреди шума слышался отчаянный кашель молодого Шуаня. Кан Да-шу, подойдя к нему, похлопал его по плечу и сказал:

— Ручаюсь! Ты не будешь так кашлять. Ручаюсь!

— С ума сошел, — сказал Горбун, наклонив голову над чашкой.

IV

Земля, прилегающая к городской стене у Западных ворот, раньше была общественной собственностью. Здесь извивалась тропинка, протоптанная теми, кто выбирал кратчайший путь. Тропинка служила естественной границей, по левую сторону ее хоронят казненных, а по правую расположены в беспорядке могилы бедняков. С обеих сторон могилы образовали много пластов и были очень похожи на булки, которые пекут в богатых семьях к именинам. В этом году в дни Цинмин¹ стояла наредкость холодная погода. Тополь и ива едва пустили ростки величиной с половину рисового зернышка.

Не успел заняться рассвет, как Хуа Да-ма уже плакала перед свежей могилой, справа от дорожки. На могиле были расставлены четыре тарелки с овощами и чашка с рисом. Хуа Да-ма сожгла благовонную бумагу и неподвижно сидела на земле, будто чего-то ожидала. Но она сама не знала, чего она ждет. Легкий ветерок трепал ее короткие волосы, сильно побелевшие с прошлого года.

По дорожке шла женщина, тоже, видимо, посевшая, одетая в сильно

поношенную юбку. Она держала круглую корзинку, красный лак от времени потрескался; к корзинке была привешена связка бумажных денег. Женщина шла, отдыхая через каждые три шага. Вдруг она увидела, что Хуа Да-ма смотрит на нее, и в нерешительности начала переминаясь с ноги на ногу. На ее бледном скорбном лице появилось выражение стыда. Однако, подойдя к могиле по левую сторону тропинки, она опустила корзину наземь. Эта могила и могила молодого Шуаня расположены были рядом; их разделяла лишь тропинка. Хуа Да-ма смотрела, как женщина расставила свои четыре тарелки с овощами и чашку с рисом, затем, встав, заплакала и сожгла бумажные деньги. Хуа Да-ма подумала:

«В этой могиле тоже сын».

Другая женщина испуганно посмотрела вокруг, руки и ноги у нее затряслись, и она зашаталась. Хуа Да-ма испугалась, что женщина от отчаяния может сойти с ума и, не выдержав, вскочила и прыгнула через тропинку.

— Тебе не надо отчаиваться. Пойдем лучше домой.

Женщина кивнула головой, смотря куда-то вдаль, и тихим голосом проговорила:

— Посмотри, посмотри, что это такое?

Она показала пальцем на могилу. Она еще не заросла травой и видны были клочки желтой земли. В этом было что-то неприятное. Она подняла глаза и вдруг испугалась: вершина могильного холмика была обсажена цветами. Глаза обеих женщин с годами ослабели, но эти цветы они видели очень ясно. Цветов было немного. Близко посаженные друг возле друга, они образовывали маленький круг.

Хуа Да-ма посмотрела на могилу своего сына и на другие могилы, но там было всего несколько синих и белых цветков, растущих в беспорядке.

И в глубине своего сердца она неожиданно почувствовала неудовлетворенность и пустоту, но не захотела доискиваться причин этого.

Старая женщина вновь сделала несколько шагов и, пристально посмотрев на могилу, сама с собой заговорила: «Они без корней. Непохоже, чтобы они сами распустились. Кто сюда приходит? Дети здесь не могли бы играть. Родственники давно уже не приходят. Кто же это?»

Она долго думала, вдруг из ее глаз

¹ Дни поминовения покойников.

покатились слезы, и она громко сказала:

— Сын мой, они все поступили с тобой несправедливо. Ты не можешь этого забыть. Сегодня ты захотел открыть свою душу, чтобы я об этом узнала?

Она посмотрела по сторонам и увидела только черного ворона, сидевшего на оголенном дереве.

— Я узнала. Юй, сын мой, они тебя зарыли. Но им отомстят. Они все равно поплатятся за это. Небо все знает. Спи спокойно. Если ты здесь, и услышал мои слова, то пусть этот черный ворон взлетит на вершину твоей могилы.

Слабый ветер давно уже утих. Закошаченные травинки торчат прямо, как натянутые струны, и, кажется, что одна струна звучит все слабее и слабее, пока не умолкает совсем. Наступает мертвая тишина. Обе женщины стоят

в сухой траве и смотрят на верхушку дерева, где, нахохлившись, неподвижно сидит черный ворон.

Прошло много времени. Все больше и больше народу приходило на кладбище. Среди могил то появлялись, то исчезали люди, старые и молодые.

Хуа Да-ма внезапно почувствовала себя легко-легко и собралась уходить: — Не пойти ли нам домой?

Старая женщина вздохнула, грустно стала собирать тарелки с овощами и чашку с рисом, еще помедлила и, наконец, решила уйти.

— Что же это такое? — бормотала она.

Не прошли они и двадцати-тридцати шагов, как послышалось громкое «карр». Они боязливо повернули головы и увидели, как черный ворон, расправив крылья, снялся и стрелой поднялся под небеса.

Незначительный случай

Перевод с китайского Н. ФЕДОРЕНКО

Шесть лет, словно одно мгновение, пролетели с тех пор, как я пришел из деревни в столицу. Если вспомнить крупные события, происшедшие за это время в нашей стране, то окажется, что видел и слышал я немало. Но ни в памяти, ни в сердце моем все это не оставило следов. А когда я вдумываюсь в прошлое, то мое дурное настроение только усиливается и, по правде говоря, я начинаю с каждым днем все более и более презирать людей.

Но был один незначительный случай, полный глубокого смысла для меня, который постоянно прогоняет это настроение, и я до сих пор не могу забыть его.

Это было зимой на шестом году Республики. Свирепствовал северный ветер. Однажды мне пришлось очень рано отправиться на работу: едва забрезжил рассвет, как я уже вышел из дому. На улице не было ни

души. С большим трудом мне удалось нанять рикшу. Я велел ему отвезти меня к Южным воротам. Вскоре холодный ветер несколько утих. Пыль смело ветром, и рикша быстро бежал по чистой беловатой дороге. Мы уже приближались к Южным воротам, как вдруг оглобля коляски задела какого-то человека, и тот медленно повалился на землю.

Оказалось, что это женщина, седая, в потрепанной одежде. Она неожиданно метнулась в сторону и преградила нам путь. Рикша попытался уступить ей дорогу, но ее рваная, распахнутая кофта, развевавшаяся от ветра, зацепилась за оглоблю. К счастью, рикша успел замедлить ход, а то бы ее не только сбilo с ног, но, вероятно, и серьезно ранило бы.

Она лежала не двигаясь. Рикша тотчас остановился. Мне показалось, что женщина осталась невредимой. К тому же никто не видел, как она упала;

меня удивляло, что рикша так задерживает меня и, вместо того, чтобы продолжать путь, не только задерживает меня, но и рискует навлечь на себя неприятности.

— Пустяки, — сказал я, — пошел дальше!

Но рикша не обратил никакого внимания на мои слова, а, может быть, и не слышал их. Опустив коляску, он осторожно помог женщине встать и, держа ее под-руки, спросил:

— Ну, что?

— Я ушиблась.

Я подумал: «Я же сам видел, как ты медленно опустилась на землю; как же это ты могла ушибиться? Ты притворяешься, и это отвратительно. Да и любопытство рикши не приведет ни к чему хорошему. Теперь пусть сам и выпутывается...»

Но рикша, услышав слова женщины, тотчас же решил. Все так же держа ее под-руки, он осторожно повел ее. Должен сказать, что я изумился, увидев перед собой полицейский участок.

Ветер стих, но на улице было совершенно безлюдно. Только один рикша, поддерживая старую женщину, шел прямо к главному входу.

В эту минуту я вдруг испытал странное ощущение. Я чувствовал, как запыленная фигура рикши мгновенно выросла. И чем дальше он отходил, тем она становилась больше, и мне пришлось даже поднять голову, чтобы охватить ее взором. И этот образ,

подобно гнету, казалось постепенно выдавливал из меня мое ничтожество, скрытое под меховой шубой. И жизнь во мне точно замерла. Я сидел неподвижно, ни о чем не думая, пока не появился полицейский. Я слез с коляски.

— Наймите другого рикшу, — сказал полицейский, — этот больше не повезет вас.

Не задумываясь, я вытащил из кармана полную пригоршню медяков и передал их полицейскому: «Отдайте, пожалуйста, ему...»

Ветер совсем утих, но на улице по-прежнему никого не было. Я шел, погруженный в мысли, и словно не мог решиться подумать о самом себе. Но вот случившееся на миг отодвинулось, и тотчас же я подумал: какой смысл в этой пригоршне медяков? Что это — награда? Но разве я смею судить рикшу? Я не мог ответить самому себе.

И до сих пор я часто думаю об этом случае. И каждый раз воспоминания о нем причиняют мне мучительную боль. Мне трудно думать о себе. Я не помню политических и военных событий последних лет; я не могу восстановить и двух слов из древних книг, которые я изучал в детстве: «Конфуций изрек...» или «Книга стихов гласит...» Только один этот незначительный случай всплывает в моей памяти, и каждый раз воспоминание о нем вызывает во мне стыд, будит во мне новые чувства, укрепляет мое мужество и надежду.